

О. Ю. Васильева

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ,
МОСКВА, РОССИЯ

Митрополит Сергей (Страгородский): служение и судьба

Аннотация. В статье рассматривается биография будущего патриарха Сергея (Страгородского) и обстоятельства его жизни, повлиявшие на формирование личности Предстоятеля как одного из выдающихся церковных деятелей XX века. Рассматриваются основные вехи его пасторского служения, богословских, миссионерских, административных трудов, понесённых им на благо Церкви. В статье приводятся обстоятельства драматического участия митрополита Сергея в обновленческом расколе и выхода из него через принесение публичного покаяния. В центре внимания статьи — история отношений Русской Православной Церкви и советской власти в 20–е—30–е годы XX века, одним из ключевых участников которых был митрополит Сергей. Наиболее трудным для Церкви в XX веке был период отсутствия патриаршей власти с 1925 по 1943 год, сопровождавшийся многочисленными интригами и административным давлением со стороны большевистской власти. В статье обосновывается утверждение, что политика митрополита Сергея была прямым продолжением того пути, на который встал в последние годы своего предстоятельства патриарх Тихон. Автор статьи приходит

к выводу о том, что владыка Сергей намеренно выбрал компромисс с властью, встал на путь мученичества и самоуничтожения ради спасения Церкви. В 1927 году митрополит Сергей вместе с членами созданного Временного Патриаршего Священного Синода подписали «Послание пастырям и пастве», ставшее меморандумом политической лояльности Церкви по отношению к советской власти. Большое внимание в статье уделено пресс-конференции Сергея перед советскими и иностранными журналистами, ставшей ответом на многочисленные обвинения Советского государства в притеснениях Церкви. Автор статьи приходит к выводу о том, что служение митрополита Сергея — это мученическое служение по преимуществу. Сознательный отказ от личной славы ради спасения Церкви — это подлинный подвиг патриарха Сергея и его неоспоримая заслуга перед всеми верующими.

Ключевые слова: патриарх Сергей (Страгородский), гонения на Церковь, «Декларация 1927 года», пресс-конференция 1930 года, соловецкие епископы, репрессии против епископата, Обращение к советской власти, митрополит Пётр (Полянский)

Для цитирования: Васильева О. Ю. Митрополит Сергей (Страгородский): служение и судьба // Ортодоксия. — 2024. — № 2. — С. 10–45. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-2-10-45

Оценка жизни и служения митрополита Сергея (Страгородского) является одним из самых спорных и трудных вопросов церковной истории двадцатого столетия. Пожалуй, ни о ком не написано больше, при этом количество авторских листов иностранного происхождения в разы превышает количество отечественных. Можно встретить особые термины: сергианство, сергианская линия, сергианцы, которыми награждались и награждаются сторонники митрополита. Обсуждали и обсуждают в основном три момента: «Декларацию 1927 года», пресс-

конференции 1930 года и каноничность предстоятельства митрополита в Церкви. Традиционно принимается всё, что указывает на отношения иерарха с властью, и обходится всё, что объясняет причины этих контактов. Под сомнение ставится позиция Церкви в конце 20-х — начале 40-х годов XX века.

Упрощённо и схематично толкуется личность самого иерарха, чья судьба связана с самым трудным периодом в жизни Церкви. Однако вряд ли кому из Первосвятителей выпадал такой тяжкий жребий служения, какой пришёлся на долгие годы митрополита, а с осени 1943 года и патриарха Сергия.

Будущий Первосвятитель (Иван Николаевич Страгородский) родился в семье священника Алексиевского женского монастыря в городе Арзамасе. Дата рождения — 2 января 1867 года. Духовное училище он закончил в родном городе, в Нижнем Новгороде продолжил обучение в семинарии, закончив её по первому разряду. Незаурядность мышления вдумчивого исследователя открылась в годы обучения в Петербургской академии.

На последнем курсе, 30 января 1890 года, в день памяти трёх святителей, Иван принял монашеский постриг с именем Сергия Валаамского. Академический курс он закончил со степенью кандидата богословия за сочинение «Православное учение о вере и добрых делах». В работе была предпринята попытка через полемику с католическим учением о «сверхдолжных» заслугах святых и протестантской доктриной об оправдании только верой изложить православное учение о Спасении, основанное на святоотеческой традиции. Этой же теме будущий митрополит посвятил и свою магистерскую диссертацию, защищённую им в 1896 году и выдвинувшую его в ряд ведущих православных богословов своего времени.

Но это будет позже. А пока осенью 1890 года иеромонах Сергей приехал в Токио, чтобы стать одним из ближайших помощников архиепископа Николая (Касаткина), оказавшего в своё время сильное влияние на будущего Предстоятеля Зарубежной Церкви митрополита Антония (Храповицкого).

Через несколько месяцев иеромонах Сергей начинает преподавать догматическое богословие в семинарии в Токио. Сейчас трудно представить, что он смог выучить японский язык для преподавания всего за несколько месяцев.

Зиму 1891/92 годов отец Сергей провёл на русском крейсере «Память Азова», замещая заболевшего судового священника.

Указ о переводе в Россию, сначала в Петербург, а потом в Московскую духовную академию на должность инспектора, пришёл в 1893 году. Именно здесь произошла встреча и сближение с ректором МДА, архимандритом Антонием (Храповицким), известным просветителем и богословом. Ректор настоял, чтобы отец Сергей переработал курсовое сочинение в магистерскую диссертацию, которая сначала была опубликована в академическом «Богословском вестнике», а позже вышла отдельной книгой.

С 1894 по 1896 год иеромонах Сергей служил в Афинах в посольской церкви, там же был возведён в сан архимандрита. Затем он вновь отправился в Японию, где прослужил до 1899 года. В январе 1901 года Указом Святейшего Синода будущий митрополит был назначен ректором Санкт-Петербургской духовной академии, а 25 февраля того же года состоялась его хиротония во епископа Ямбургского, третьего викария Санкт-Петербургской епархии. При наречении молодой епископ произнёс речь, которую можно рассматривать как своеобразную перспективу всего его последующего служения. Были там и такие слова: «Быть же пастырем — значит жить не своею особой жизнью, а жизнью паствы, болеть её болезнью, нести её немощи с единственной целью: послужить её спасению, умереть, чтобы она была жива. Истинный пастырь постоянно, в ежедневном делании своём “душу свою полагает за овцы”, отрекается от себя, от своих привычек и удобств, от своего самолюбия, готов пожертвовать самой жизнью и даже душой своей ради Церкви Христовой, ради духовного благополучия словесного стада». И ни сам епископ и никто из присутствующих не могли предположить, насколько пророческими окажутся эти слова.

Шесть лет ректорства были заполнены административной и научной работой. В 1902 и 1905 годах вышли его статьи «Что нас разделяет со старокатоликами» и «К вопросу о том, что нас разделяет со старокатоликами».

Их написание было связано с деятельностью епископа Сергия в Синодальной Комиссии по старокатолическому и англиканскому вопросам.

Бурная церковная жизнь начала XX века не оставила в стороне епископа. Особо ярко он проявил себя в деятельности «Религиозно-философских собраний», открытых в Петербурге с разрешения высшей церковной власти в ноябре 1901 года. Именно тогда впервые русские интеллигенты — «богоискатели» — лицом к лицу встретились с представителями Русской Православной Церкви «для свободного обсуждения

вопросов Церкви и культуры». Протоиерей Георгий Флоровский, выдающийся русский богослов, считал, что собрания явились преодолением нигилизма и безбожия 60-х годов XIX века и возвратом к вере. Епископ Сергей по благословению митрополита Антония (Вадковского) стал Председателем РФС. Просуществовав около полутора лет, собрания стали особой вехой церковной истории, доказав, что богословски просвещённые православные клирики и миряне заинтересованы в разрешении церковно-общественных вопросов так же сильно, как и «богоискательски» настроенная интеллигенция.

И те, и другие искренне желали религиозного возрождения на основе соборности. На заседаниях РФС обсуждались отношения Церкви и интеллигенции, вопросы о Л. Н. Толстом, о свободе совести, о соотношении духа и плоти, о браке.

Всего прошло более двадцати заседаний. Конечно, на многие проблемы участники смотрели с диаметрально противоположных позиций. РФС постепенно превращались в политический клуб. В апреле 1903 года обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев настоял на закрытии собраний. Но их идеи оказались плодотворными. Так, протоиерей Георгий Флоровский позже отмечал, что и в Церкви должен был начаться подъём. Этого требовала сама жизнь, логика истории, логика событий.

В октябре 1905 года последовало назначение епископа Сергея на Финляндскую и Выборгскую кафедру с возведением в сан архиепископа. На этом поприще вновь проявились его миссионерские качества. Он созывает епархиальные съезды, при Выборгском соборе организует Православную миссию, создаёт братство святого Георгия Победоносца. Всё это укрепляет православие среди беломорских карел.

В 1911 году архиепископ Сергей (Страгородский) становится членом Святейшего Синода, где в разные годы руководит важнейшими синодальными учреждениями: Председатель Особого Соповещания по вопросам внутренней и внешней миссии, Председатель Соповещания по исправлению церковно-богослужебных книг. В 1912 году следует его назначение Председателем Предсоборного Соповещания, а в 1913 году архиепископ Сергей возглавил Миссионерский совет.

Февраль 1917 года окончательно нарушил плановое служение епископата и клира Русской Церкви. В апреле Временное правительство распустило прежний состав Синода: митрополита Киевского Владимира (Богоявленского), архиепископов Литовского Тихона (Беллавина), Новгородского Арсения (Стадницкого), Гродиенского Михаила

(Ермакова), Нижегородского Иоакима (Левицкого), Черниговского Василия (Богоявленского), протопресвитеров Александра Дернова и Георгия Шавельского — всех, кроме архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского).

Одним из поводов к увольнению архиереев послужило их несогласие с противоречившим принятому в Синоде порядку решением о передаче его официального органа «Церковного вестника» (1875–1917) из прямого ведения Синода в ведение Санкт-Петербургской духовной академии. Тогда же, 15 апреля «революционный» обер-прокурор организовал новый состав Святейшего Синода.

На летнюю сессию были вызваны новые члены и присутствующие: экзарх Грузии архиепископ Платон (Рождественский), архиепископ Агафангел (Преображенский), епископ Уфимский Андрей (Ухтомский), епископ Самарский Михаил (Богданов), настоятель Успенского собора Московского Кремля протопресвитер Николай Любимов, профессора — протоиереи Александр Смирнов и Александр Рождественский, протоиерей Фёдор Филоненко.

5 июля 1917 года Святейший Синод своим определением утвердил Положение о созыве Поместного Собора Православной Российской Церкви. В конце июля Определением № 4652 Святейший Синод постановил, ввиду открытия 15 августа Поместного Собора, перенести заседания из Петрограда в Москву.

10 августа 1917 года Синодальным указом архиепископ Сергий был утверждён архиепископом Владимирским и Шуйским на Владимирскую кафедру. А пять дней спустя, 15 августа, в Москве в Успенском соборе открылся первый за 250 лет Поместный Собор. Его открытие произошло в праздник Успения Пресвятой Богородицы под колокольный звон сотен московских церквей.

На открытии вместо православного императора, как предполагалось ранее, присутствовали иные официальные лица: министр-председатель А. Ф. Керенский, министр внутренних дел Н. Д. Авксентьев, министр вероисповедания А. В. Карташев, председатель IV Государственной думы М. В. Родзянко. Всего было 540 делегатов из числа епископата, клира и мирян.

Своим почётным председателем Собор утвердил митрополита Киевского Владимира.

В работе Поместного Собора 1917–1918 годов архиепископ Сергий принял самое деятельное участие, руководя работой отдела «Церковный

суд» в качестве его председателя. 28 ноября 1917 года указом Святейшего Патриарха Тихона в сан митрополита были возведены пять старейших иерархов Русской Православной Церкви: архиепископ Харьковский и Ахтырский Антоний (Храповицкий) — как один из кандидатов на патриарший престол, а также учёнейший архипастырь и известный церковно-общественный деятель; архиепископ Новгородский и Старорусский Арсений (Стадницкий) — по тем же основаниям; архиепископ Ярославский и Ростовский Агафангел (Преображенский) — как один из старейших и заслуженнейших архипастырей; архиепископ Казанский и Свияжский Иаков (Пятницкий) — по тем же основаниям; архиепископ Владимирский и Шуйский Сергей (Страгородский) — как один из видных богословов и деятельных архипастырей.

На пути митрополита Сергия, таком ровном и спокойном, первое искушение пришло в июне 1922 года, когда был обнародован «Меморандум трёх». Правящие архиереи Владимирский Сергей (Страгородский), Нижегородский Евдоким (Мещерский) и Костромской Серафим (Мещеряков) опубликовали в печатном органе «Живой церкви» воззвание, в котором признали каноничность обновленческого Высшего церковного управления (ВЦУ) и призвали свою паству и всю Русскую Православную Церковь подчиниться ему. Этот документ послужил соблазном для многих церковных людей и мирян.

Как уже отмечалось выше, митрополит Сергей был одним из самых авторитетных архипастырей Русской Церкви. Принятие ВЦУ целым рядом архиереев, в том числе митрополитом Сергием, было вызвано, по их словам, тем, что они не видели альтернативы: другого церковного административного центра не было, а жизнь без него казалась невыносимой.

Кроме того, они считали необходимым сохранить в тяжёлое время гонений церковное единство. Но уже в октябре того же года митрополит Сергей заявил о прекращении церковного общения с деятелями «новой демократической церкви» и покинул созданное ими Высшее церковное управление. 27 августа 1923 года митрополит Сергей принёс всенародное покаяние за поддержку обновленческого ВЦУ. «Без мантии и клобука, без архиерейской панагии и наперсного креста стоял он на амвоне Малого Собора Донского монастыря и глухим дрожащим голосом произносил покаянные слова. Совершив земной поклон, он сошёл с солеи, приблизился к кафедре. Сделал ещё один поклон, и тогда Святейший Патриарх вручил ему мантию и святую панагию с крестом, белый клобук и посох»

(Святитель Тихон 2013: 164). После взаимного лобзания, со слезами на глазах патриарх приветствовал вновь обретённого собрата, а затем они отслужили Божественную литургию.

После воссоединения с патриаршей Церковью митрополит Сергей был назначен на Нижегородскую кафедру, которую прежде занимал отступник — лжемитрополит Евдоким (Мещерский).

После смерти патриарха Тихона начался долгий этап противостояния двух ветвей Русской Православной Церкви — Русской и Зарубежной. Все самые острые моменты этого процесса пришлось на годы служения митрополита Сергея. Зарубежные архиереи не согласились с подлинностью завещания патриарха. Сразу же после его обнародования посыпались упрёки в адрес митрополита Петра (Полянского), которого оппоненты и прошлые, и нынешние упрекали в давлении на Святейшего, умалчивая о реальных причинах его ареста 10 декабря 1925 года (Отказ от предложенных властью условий легализации). Митрополит Пётр успел 5–6 декабря составить два завещания о преемственности церковной власти по образцу завещания, составленного Святейшим Патриархом Тихоном.

В первом он предоставлял права и обязанности Патриаршего Местоблюстителя до законного выбора нового патриарха, согласно воле покойного Святейшего, митрополитам Казанскому Кириллу, Ярославскому Агафангелу и митрополиту Арсению. Если же возможности осуществить это не представится, то права и обязанности Патриаршего Местоблюстителя переходят к митрополиту Нижегородскому Сергию.

А днём позже митрополит Пётр в своём письменном распоряжении указал, что в случае невозможности выполнить порученное митрополитом Сергием временное исполнение прав и обязанностей Патриаршего Местоблюстителя переходит к митрополиту Михаилу (Ермакову) или архиепископу Иосифу (Петровых).

Из этого большого списка на свободе оставался только митрополит Сергей.

14 декабря 1925 года, спустя четыре дня после ареста митрополита Петра, он сообщил из Нижнего Новгорода викарию Московской епархии епископу Клинскому Гавриилу (Красновскому) о своём вступлении в исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя. Чуть позже и до 1936 года митрополит Сергей стал называть себя Заместителем Патриаршего Местоблюстителя.

Первые дни вступления в права и обязанности митрополита Сергея в декабре 1925 года омрачились угрозой нового раскола.

Десять епископов в Донском монастыре под председательством архиепископа Екатеринбургского Григория (Яцковского) на своём совещании высказали недовольство по поводу единоличного управления Церковью митрополитом Петром, который якобы не хотел созывать Собор, и образовали Временный Высший Церковный Совет под председательством архиепископа Григория.

Большевистская власть поддержала «григорианский» Временный Высший Церковный Совет (ВВЦС), который очень скоро получил право на легализацию. Ослабление Церкви путём создания параллельного Местоблюстителю и его Заместителю Церковного центра неизбежно привело бы к нарушению единства Церкви.

14 января 1926 года митрополит Сергей в своём письме архиепископу Григорию выступил с протестом против самочинного ВВЦС.

В ответном письме его председатель пригласил митрополита Сергия не только войти во Временный Совет, но и даже возглавить его. Последовал резкий отказ и запрет на служение архиепископа Григория и его сторонников.

Григориане не сдавались. При содействии власти им удалось посетить митрополита Петра во внутренней тюрьме Лубянки и убедить его в том, что митрополит Сергей не может управлять Церковью, так как находится в Нижнем без права выезда. При этом от Местоблюстителя митрополита Петра было скрыто то обстоятельство, что ВВЦС был образован, когда участники совещания в Донском монастыре уже знали о назначении Заместителя Местоблюстителя.

Итогом встречи с митрополитом Петром стала резолюция о временной передаче Высшей Церковной власти коллегии из трёх архиереев: архиепископов Владимирского Николая (Добронравова), Томского Дмитрия (Беликова) и Екатеринбургского Григория (Яцковского). При этом григориане умолчали о том, что архиепископы Дмитрий и Николай находятся в ссылке. Резолюцию члены Временного Высшего Церковного Совета рассматривали как передачу церковной власти архиепископу Григорию.

Митрополит Сергей отказался подчиниться этой резолюции, указав на неосведомлённость Местоблюстителя об истинном состоянии церковных дел.

Он вступает в переписку с митрополитом Петром, его позицию поддерживают многие архиереи. И 22 апреля 1926 года в письме митрополиту Сергию Местоблюститель объявляет об упразднении Временного

Высшего Церковного Совета и подтверждает ранее сделанное назначение Сергия Заместителем Местоблюстителя¹.

Весна 1926 года принесла обострение вопроса о преемственности канонической власти. Из ссылки вернулся митрополит Ярославский и Ростовский Агафангел (Преображенский), названный в завещании патриарха Тихона вторым кандидатом на Местоблюстительство.

18 апреля 1926 года он заявил о своём вступлении в права Местоблюстителя Патриаршего престола. Это он сделал в своём «Послании к Церкви».

В начавшейся переписке между митрополитом Сергием и новым претендентом на высшую церковную власть (от 30 апреля, 16 мая, 23 мая) поднимались самые острые вопросы. Митрополиту Сергию удалось объяснить владыке Агафангелу, что в распоряжении патриарха Тихона нет ни слова о том, что Местоблюститель Пётр принял власть временно, до возвращения старейших кандидатов. Приняв власть законно, он может быть лишённым её только на законных основаниях, то есть в случае добровольного отхода или по суду архиереев. Не соглашаясь с митрополитом Сергием внутренне, владыка Агафангел ради церковного мира отказался от своих прав, уведолив об этом Сергия телеграммой в июле 1926 года.

Разрешив очередной конфликт, владыка Сергей должен был решить самую важную церковную задачу: легализовать церковную жизнь в большевистской России. После кончины патриарха прекратил существование учреждённый им Временный Патриарший Синод. Для создания организационных структур и признания их полномочий требовались контакты с богоборческой властью, на которые незадолго до смерти пошёл святитель Тихон, указав тем самым своим преемникам единственный путь существования Церкви в новых условиях. Оппоненты до сегодняшнего дня не признают того, что политика преемников патриарха была продолжением и развитием основ, заложенных святителем Тихоном.

Они по-прежнему настаивают на том, что до «Декларации 1927 года», речь о которой пойдёт ниже, русский епископат был против легализации. Она, бесспорно, была нужна для нормальной внутрицерковной жизни. Не созывались Соборы, не работал Синод. Церковь физически была обескровлена — через Соловки к 1930 году прошёл почти весь епископат Русской Церкви. Жизнь в приходах угасала. Но условия легализации

¹ Григориане не подчинились воле Церкви, сохранив свои приходы вплоть до 1943 года. Архиепископ Григорий до своей кончины в 1932 году руководил несколькими общинами на Урале. Последние из них принесли покаяние митрополиту Сергию в 1943 году.

богоборческой власти не приняли ни митрополит Пётр (1925 год), ни митрополит Сергей в 1926 году. И величайшая роль в разрешении этой проблемы — отношения Церкви с властью — принадлежит соловецким узникам.

Соловецкий монастырь в истории России неоднократно оказывался духовным центром, определявшим церковную жизнь в России. В XX столетии ему суждено было стать самым известным в стране концлагерем. Важнейшим моментом церковной жизни середины 1920-х годов было его влияние на всю церковную политику.

К 1926 году на Соловках находились 29 православных иерархов. Их деятельность была объединена в самостоятельный церковный орган, вошедший в историю как «Собор соловецких епископов». Первыми епископами на Соловках последовательно избирались: архиепископ Приамурский и Благовещенский Евгений (Зернов), архиепископ Верейский Иларион (Троицкий), архиепископ Воронежский Пётр (Зверев). Судьба каждого из них — судьба мученика, положившего свою жизнь за Христа.

Конечно, на статус полномочного церковного Собора соловецкое собрание епископов-заключённых претендовать не могло и не претендовало, но мнение соловчан — в условиях, когда настоящий Собор созвать было невозможно, — стало одним из самых представительных выражений Церкви. Именно поэтому к голосу соловецких епископов прислушивались духовенство и верующие, оставшиеся на свободе. А сами соловецкие мученики не раз обращались к Церкви с посланиями, реагируя на наиболее болезненные проблемы того времени, и тем самым влияли на церковную жизнь страны. Известно, что митрополит Сергей (Страгородский) также опирался в своей деятельности на авторитет соловчан.

В июне 1926 года соловецкие епископы (17 человек) во главе с архиепископами Иларионом (Троицким), Евгением (Зерновым), Пахомием (Кедровым), Ювеналием (Масловским) пишут «Памятную записку Соловецких епископов, представленную на усмотрение Правительства». Основная мысль этого документа — просьба легализации без вмешательства во внутренние дела Церкви. Мироззренческого примирения быть не может, так как условием бытия и смысла существования Церкви является именно то, что категорически отрицает коммунистическая идеология.

28 мая 1926 года митрополит Сергей пишет проект Обращения к советской власти, которое явилось приложением к его одновременному

ходатайству НКВД о легализации церковных органов, в частности о регистрации его в должности Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, о регистрации местных церковных органов, о разрешении на созыв архиереев (Архиерейский Собор) и на издание «Вестника Московской Патриархии», об открытии духовных учебных заведений. Так же как и соловчане, митрополит Сергей подчеркнул в Обращении, что не имеет смысла умалчивать о существующем противоречии между православными и большевиками, стоящими у власти. Обещая лояльность, отмечал митрополит, мы не можем наблюдать за политическими партиями наших единоверцев и применять церковные кары для отщепенцев. Об отношении к зарубежному духовенству митрополит написал следующее: «Здесь требуют выяснения наши отношения к русскому духовенству, ушедшему за границу и там образовавшему из себя некоторое филиальное отделение Русской церкви. Не признавая себя гражданами Советского Союза и не считая себя обязанными по отношению к Советской власти никакими обязательствами, заграничные духовные лица иногда позволяют себе враждебные выступления против Союза, и ответственность за эти выступления падает на всю Русскую церковь, в клире или Иерархии которой они продолжают оставаться»².

Выход, по мнению митрополита Сергея, был один: «Выразить наш полный разрыв с таким политиканствующим духовенством»³. А для этого нужно было «установить правилом, что всякое духовное лицо, которое не пожелает признать своих гражданских обязательств перед Советским Союзом, должно быть исключено из состава клира Московского Патриархата и поступать в ведение заграничных поместных православных церквей, смотря по территории»⁴.

Митрополит не только не грозил церковным судом, но и предлагал уйти в другие юрисдикции Поместных Православных Церквей.

С этим Обращением вместе с ходатайством о легализации церковного управления патриаршей Церкви 10 июня 1926 года митрополит обратился в НКВД (следует подчеркнуть, что проект Обращения был разослан для ознакомления по епархиям и получил одобрение клира и мирян).

Ни проекту «Декларации» митрополита Сергея, ни Памятной записке соловецких епископов не суждено было стать официальными

² Проект послания митрополита Сергея (Страгородского) к верующим. 10 июня 1926 г. — URL : <https://istmat.org/node/34537?ysclid=lv8oul5mkj73515369> (дата обращения: 19.04.2024).

³ Там же.

⁴ Там же.

церковными документами, но они являлись подтверждением единства взглядов епископата на задачи, стоявшие перед Церковью.

Невозможность стабилизировать положение Церкви легальным путём толкнула митрополита Сергия (Страгородского) на организацию тайных выборов патриарха осенью 1926 года. Обе стороны — и Церковь, и советское государство — оказались в тупике. Масштабные расколы в патриаршей Церкви, инспирированные властью, не дали планируемых результатов. Церковь не добилась возможности провести Собор и утвердить легитимность центральной церковной власти.

В этой ситуации Заместитель Местоблюстителя Патриаршего престола митрополит Сергий даёт своё согласие на шаг опасный и рискованный — на тайные выборы патриарха.

Избранный патриарх, даже если бы он был в ссылке, мог бы ясно и определённо установить авторитетный для всех порядок преемства власти и возглавил бы Церковь в сложный период, когда ей предстояло определить допустимые пределы компромисса с властью.

Инициатива тайного избрания принадлежала епископу Павлину (Кротечкину) и архиепископу Кириллу (Соболеву). Заместитель Местоблюстителя Патриаршего престола митрополит Сергий поначалу сомневался в целесообразности этой акции, справедливо опасаясь реакции власти, но уступил, поставив сторонникам тайного избрания непременным условием известить обо всём митрополита Петра (Полянского). Условие это выполнено не было.

Кандидат в патриархи был один — первый из архиереев, назначенных в Местоблюстители по завещанию патриарха Тихона, митрополит Казанский Кирилл (Смирнов), срок ссылки которого заканчивался. Этот выбор поддержали словчане, в том числе и архиепископ Иларион (Троицкий).

Осенью 1926 года посланники епископа Павлина — иеромонах Таврион (Батозский), миряне из купцов отец и сын Кувшинниковы — объезжали православных архиереев и собирали сведения том, отдали бы они свой голос «за» или «против» намеченного кандидата на патриарший престол. Сами иерархи свои ответы запечатывали в конверт. К ноябрю 1926 года было собрано около 70 подписей об избрании патриархом митрополита Казанского Кирилла (Смирнова).

ОГПУ с самого начала было осведомлено о «выборах». В ноябре-декабре 1926 года последовали аресты участников «тайных выборов». Арестован был и митрополит Сергий.

Следует подчеркнуть, что впоследствии православные епископы относились с осторожностью к результатам «выборов» и не ссылались на них даже после опубликования «Декларации 1927 года», когда, казалось бы, у самых «непримиримых» иерархов имелась возможность напомнить митрополиту Сергию о волеизъявлении значительной части епископата. Ни разу не апеллировал к результатам «выборов» и митрополит Кирилл, также не придавая им канонической силы.

Кроме тайных «выборов» патриарха митрополит Сергей совершил ещё одно «противоправное» действие: он обращается с письмом к зарубежным епископам. Оно было направлено 12 сентября 1926 года. Письмо пронизано братской искренностью и заботой о дальнейшей судьбе православных за границей. В конце письма владыка подчёркивает, что Святейший действительно подал распоряжение о закрытии Заграничного Синода. Далее в письме звучит мысль о возможности создания такого центра, если бы существовало согласие между иерархами. А его нет, и митрополит пишет: «Если такого органа, общепризнанного всею эмиграцией, создать, по-видимому, нельзя, то уже лучше покориться воле Божией, признать, что отдельного существования эмигрантская церковь устроить себе не может и поэтому всем Вам пришло время встать на почву канонов и подчиниться (допустим, временно) местной православной власти, например в Сербии — Сербскому Патриарху, и работать на пользу той частной Православной Церкви, которая вас приютила» (Васильева 1997: 180).

Далее митрополит подчеркнул, что такое отдельное существование скорее предохранит от взаимных распрей, чем старание всех удержать и подчинить искусственно созданному центру, и что именно такая постановка более соответствует теперешнему положению Церкви в России. Так же как и в случае с обращениями патриарха, зарубежные епископы не захотели понять и теперешнее положение Церкви в России. Исторический шанс не был использован деятелями эмиграции, не пожелавшими отказаться от возможности говорить от лица всей Русской Церкви.

Доверительное послание митрополита Сергея Карловацкому Синоду от 12 сентября сразу после ареста архипастыря было опубликовано в «Ревельской газете», а потом перепечатано в Париже.

Письмо митрополита Сергея вызвало сильнейшее раздражение власти: уход эмигрантов в юрисдикцию других Поместных Церквей лишал чуть ли не главного козыря в борьбе с Церковью — делал беспочвенными обвинения её в связях с «монархической контрреволюцией» за границей.

В последующие четыре месяца после ареста митрополита Сергия в ноябре 1926 года (по обвинению в связях с эмиграцией и в подготовке нелегальных выборов патриарха) сменилось два Заместителя Местоблюстителя Патриаршего престола: митрополит Иосиф (Петровых) и архиепископ Серафим (Самойлович). Сам митрополит Сергий был этапирован из Нижнего Новгорода в Москву, на Лубянку.

Ни у кого не оставалось сомнений: с самого начала ОГПУ наблюдало за ходом выборов.

Митрополит Сергий был освобождён из тюрьмы 2 апреля 1927 года. Безусловно, на него оказывали серьёзное давление для того, чтобы вынудить пойти из уступки власти. Этот его третий арест на долгие годы внёс сомнения в умы православных. И по сей день бытует мнение о том, что митрополит Сергий вступил на путь сотрудничества с ОГПУ, что подтверждением этого соглашения явилась «нужная» власти «Декларация 1927 года». Свои выводы оппоненты по сей день подкрепляют аргументами такого свойства: срок ареста краткий, разрешено жить в Москве, а до ареста жить не мог, «Декларацию» не приняло 2/3 клира и т. д.

До ноябрьского ареста 1926 года митрополит Сергий был одним из самых уважаемых епископов России. Самым естественным, казалось бы, путём для него был бы путь отшельничества в какой-нибудь глуши, где можно было бы и не прекращать богословских трудов. Путь почётный и лёгкий. Но митрополит выбрал другой — продолжение пути, начертанного святителем Тихоном, — сохранение Церкви в условиях тоталитарного государства.

Он никогда никого не боялся. И реакцию властей на сентябрьское письмо к зарубежным епископам он знал заранее, но шёл на этот шаг ради последних, давая возможность ухода в другую юрисдикцию.

Митрополит Сергий дал согласие на тайные выборы патриарха, зная ответную реакцию власти в случае провала, но надеялся, что можно будет провести их быстро, и Церковь вновь обретёт своего Первосвятителя в такой трагический для неё период. Он не строил иллюзий, зная, что весь епископат находится под постоянной слежкой ОГПУ и личным контролем Тучкова.

Владыка Сергий выбрал компромисс с властью, встав на путь мученичества через своё унижение и поправление ради спасения Церкви. Сбылись его пророческие слова, что истинный пастырь «душу свою полагает за овцы, отрекается от себя, от своих привычек и удобств, от своего самолюбия, готов пожертвовать самой жизнью и даже душой своей ради Церкви

Христовой, ради духовного благополучия словесного стада», сказанные в далёком 1901 году. Был и ещё один фактор, человеческий.

По свидетельству митрополита Серия (Воскресенского), Заместителю Местоблюстителя угрожали в тюрьме расстрелом его сестры (впоследствии она была расстреляна) и многих арестованных архиереев и священников.

К моменту освобождения митрополита Сергия из заключения ситуация с высшим церковным управлением была очень запутанна. Постоянные аресты иерархов, которые могли возглавить Церковь, привели к ослаблению церковного центра и создали предпосылки к центробежным тенденциям. В разное время многие из тех, чьи имена связывались с Местоблюстительством: митрополит Агафангел (Преображенский), митрополит Иосиф (Петровых), архиепископ Серафим (Самойлович) — упоминали патриарший указ от 20 ноября 1920 года о церковной автономии в случае невозможности нормального общения с церковным центром.

В свою очередь, советская власть делала всё, чтобы усилить церковные нестроения и дестабилизировать внутрицерковную жизнь.

Митрополит Сергей согласился выполнить ряд требований власти в надежде на частичную легализацию церковной жизни. Ведь, как и в 1923 году, речь шла о самом существовании центрального церковного управления, а с ним — и всей Церкви. Требования были значительно жёстче, чем в 1923 году: наложить прещения на церковных эмигрантов, поставить под контроль гражданской власти кадровую церковную политику.

В свою очередь, митрополит Сергей предъявил ОГПУ список из 22 епископов для их амнистирования как одно из условий подписания «Декларации».

18 мая 1927 года митрополит Сергей (Страгородский) учреждает Временный Патриарший Священный Синод, полномочия которого, как и в 1923 году при патриархе Тихоне, проистекали из полномочий учредителя. Подав заявление на его регистрацию, он, вероятно, хотел убедиться в исполнении обещаний со стороны власти.

20 мая 1927 года Временный Патриарший Священный Синод был зарегистрирован. В него вошли: митрополиты Новгородский Арсений (Садницкий), Тверской Серафим (Александров), архиепископы Костромской Севастиан (Вести), Хутынский Алексей (Симанский), Звенигородский Филипп (Гумилевский), епископ Сумской Константин (Дьяков). Позже членами Синода стали: экзарх Украины митрополит

Михаил (Ермаков), митрополит Ташкентский Никандр (Феноменов), архиепископ Самарский Анатолий (Грисюк), архиепископ Вятский Павел (Борисовский), епископ Серпуховский Сергей (Гришин).

25 мая 1927 года состоялось первое официальное заседание новоучреждённого Синода. Митрополит Сергей издал указ, предписывающий правящим архиереям организовать при себе временные епархиальные советы и зарегистрировать их в местных органах власти. Но власть регистрировать их не спешила — ждала «Декларацию» о лояльности.

29 июля 1927 года митрополит Сергей (Страгородский) вместе с членами Временного Патриаршего Священного Синода подписал «Послание пастырям и пастве», так называемую «Декларацию 1927 года».

Всю тяжесть ответственности разделяли с митрополитом его единомышленники: митрополит Тверской Серафим (Александров), архиепископ Вологодский Сильвестр (Братановский), архиепископ Хутынский Алексей (Симанский), архиепископ Самарский Анатолий (Грисюк), архиепископ Вятский Павел (Борисовский), архиепископ Звенигородский Филипп (Гумилевский), епископ Сумской Константин (Дьяков), епископ Серпуховский Сергей (Гришин).

«Декларация», не будучи вероучительным актом, была документом политической лояльности высшей церковной власти советскому правительству и являлась необходимым условием для легализации церковного управления патриаршей Церковью. Кроме того, текст «Декларации» был в значительной мере отредактирован Е. А. Тучковым.

Спустя годы патриарх Алексей (Симанский) говорил: «Когда пресвященный Сергей принял на себя управление Церковью, он подошёл эмпирически к положению Церкви в окружающем мире и исходил тогда из существующей действительности. Все мы, окружавшие его архиереи, были с ним согласны. Мы все Временным Синодом подписали с ним «Декларацию 1927 года» в полном убеждении, что выполняем свой долг перед Церковью и её паствой». Эти слова много позже записал А. Л. Казем-Бек, и они вошли в его рукопись «Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей».

«Декларация» потребовала от зарубежных епископов письменного обязательства в лояльности советскому правительству; не давшие такого обязательства или нарушившие его будут исключены из состава клира, подведомственного Московской Патриархии.

Зарубежный Синод не принял «Декларацию», мотивируя это неканоничностью руководства Церковью митрополитом Сергием

и превышением им своих полномочий. Из лидеров церковной эмиграции письменное обязательство прислал лишь митрополит Евлогий (Георгиевский).

Поразила «Декларация» и русский епископат. В сентябре 1927 года своё мнение о ней передал в Москву митрополит Пётр (митрополит Сергей получил его в ноябре). Местоблюститель, находившийся в заключении, просил передать, что «вынес от неё вполне удовлетворительное впечатление», и добавил, что «Декларация» — «необходимое явление настоящего момента, совершенно не касаясь её нескольких абзацев».

Митрополит Пётр хорошо понимал, под каким нажимом власти писался этот документ, и не ставил в вину своему Заместителю некоторые формулировки «Декларации».

В сентябре же откликнулись и соловчане (в его составлении принимало участие значительно меньше архиереев, чем в 1926 году). Они одобрили сам факт издания такого документа и его принципиальные положения, не соглашаясь в первую очередь с отсутствием в документе требования о невмешательстве в дела Церкви со стороны государства.

На появление «Декларации» откликнулись не только иерархи, но и миряне. Архиепископ Псковский Феофан (Туляков) в октябре 1927 года издал специальную листовку с ответами на наиболее часто задаваемые вопросы по тексту «Декларации» и действий митрополита Сергия: не является ли Временный Патриарший Священный Синод новым номером обновленческого Синода? Не заменяется ли патриаршее управление коллегиальным, как это было у обновленцев и григориан? Не соединяется ли Церковь вновь с государством? Не пошло ли новое церковное руководство на компромисс с обновленцами? Разъяснения архиепископа Феофана, напечатанные в листовке, должны были рассеять сомнения верующих. Первые отклики не предвещали грозы. Однако выходом «Декларации» не ограничились условия легализации, поставленные властью перед митрополитом Сергием. Среди них было жёсткое требование возобновить поминовение властей и внесение корректив в церковную кадровую политику. Как известно, поминовение властей по формуле «о стране Российской и властех ея» было введено патриархом Тихоном ещё осенью 1923 года, не получив тогда повсеместного распространения.

Спустя четыре года митрополит Сергей лишь напоминал о необходимости соблюдения Указа почившего патриарха. Касаемо же кадровой политики следует подчеркнуть, что митрополит Сергей согласился

переводить тех епископов, которых власти не пускали в их кафедральный город, в другую епархию, туда, куда въезд им был разрешён.

Соответственно, и поминование этих епископов на их прежних кафедрах прекращалось. Ранее такое поминование воспринималось верующими как горькое напоминание властям об их незаконных действиях.

Попытки упорядочить внутреннюю жизнь Церкви, привести епархиальное управление в согласие с каноническими нормами стали поводом для возникновения оппозиционного по отношению к митрополиту Сергию движения. Начался иосифлянский раскол. Группа архиереев во главе с митрополитом Иосифом (Петровых) пошла на отделение от митрополита Сергия. Отделились также временный управляющий Воронежской епархией епископ Козловский Алексей (Буй) и управляющий Воткинской епархией епископ Глазовский Виктор (Островидов).

В декабре 1927 года митрополит Сергей оценивал эту ситуацию так: «Перемещение епископов — явление временное, обязанное своим происхождением в значительной мере тому обстоятельству, что отношения нашей церковной организации к гражданской власти до сих пор оставались неясными. Согласен, что перемещение часто удар, но не по Церкви, а по личным чувствам самого епископа и паствы, но, понимая чрезвычайность положения и усилия многих разорвать церковное тело тем или иным путём, и епископ и паства должны пожертвовать своими личными чувствами во имя блага общецерковного» (Русские патриархи 1999: 265).

Что же касается обвинения митрополита Сергия в устранении молений за сущих в темнице, то в том же ответе делегации Петроградской епархии он продолжил: «Устранено не моление за сущих в темницах и пленении (в ектении оно осталось), а только то место, которым о.о. (отцы) протодиаконы в угоду известным настроениям иногда злоупотребляли, превращая молитвенное возгласие в демонстрацию; ведь у нас литургия верных совершается не при закрытых дверях, как в древности, а публично и потому подлежит правилам о публичных собраниях»⁵.

Сегодня трудно себе представить, какому уровню цинизма власти ему приходилось противостоять...

6 февраля 1928 года с письмом к владыке Сергию обратился митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский); кроме него поставили свои подписи архиепископ Угличский Серафим (Самойлович), архиепископ Ростовский Евгений (Кобранов), митрополит Иосиф, бывший

---

5 ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 73. Л. 216.

тогда в Ярославле, и архиепископ Варлаам (Ряшенцев). Архиереи осудили Заместителя Местоблюстителя за неоправданное перемещение епископов, часто вопреки желанию их и паствы, и заявили о своём отделении от него.

Владыка Сергей дважды писал митрополиту Агафангелу, умоляя его не делать этого, так как даже административный разрыв с ним равносильен расколу. Ответа не последовало. И только после предания Синодом митрополита Иосифа церковному суду с запрещением в священнослужении митрополит Ярославский Агафангел со своими викариями заявил, что не прерывают молитвенного общения с Заместителем Местоблюстителя, раскол не учиняют, но отказываются выполнять те распоряжения митрополита Сергия, которые смущают их совесть. Постановлением от 30 мая 1928 года Синод признал это заявление удовлетворительным и снял запрет с епископа Евгения и архиепископа Варлаама.

Была ещё одна группа архиереев, которые, не отвергая правомочности власти Заместителя Местоблюстителя, не принимали его позиции и также не поминали его имени, ограничиваясь только возношением имени Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Петра (Полянского). Такую позицию заняли митрополит Кирилл (Смирнов) и архиепископ Фёдор (Поздеевский) и епископы Арсений (Жадановский), Серафим (Звездинский), Афанасий (Сахаров), Григорий (Лебедев).

Отделившихся и не поминающих не устраивала «Декларация 1927 гора», далеко зашедшие компромиссы с властью, хотя большинство из них считало необходимым добиваться нормализации отношений Церкви и власти.

Была ещё многочисленная группа архиереев, потерявшая в тяжёлых условиях чувство духовного равновесия, не считавшая особенно важным сохранять церковные структуры, готовая уйти в катакомбы.

Встав на мученический путь унижения и страданий, митрополит Сергей желал одного: сохранить многомиллионную православную паству. И помощь ему в этом оказали такие выдающиеся церковные деятели, как Михаил (Ермаков), Никандр (Феноменов), Серафим (Чичагов), архиепископы Евгений (Зернов), Пётр (Зверев), епископы Николай (Ярушевич), Венедикт (Плотников).

Архиепископ Иларион (Троицкий) написал с Соловков осуждающее письмо тем, кто отделился от митрополита Сергия, упрекая их в расколе.

Но, несмотря на этот ряд позитивных моментов, церковные настроения в конце 20-х годов XX столетия приобретали всё более тревожный

характер. А впереди Церковь ждали новые репрессии и страдания, связанные в первую очередь со знаменитым сталинским тезисом о том, что по мере продвижения к социализму усиливается классовая борьба. Власть готовилась к окончательному физическому уничтожению Церкви...

1928 год стал переломным в истории России — страна становилась тоталитарным государством; роковым он стал и в отношениях Церкви с властью.

9 июня 1929 года II съезд Союза безбожников объявил о наступлении на религию. Тогда же в июне на Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б) было заявлено о беспощадной борьбе с Церковью. В ЦК партии было подготовлено специальное письмо «О мерах по усилению антирелигиозной работы», в котором чётко просматривались ближайшие планы, на основании которых Центральный совет союза воинствующих безбожников (ЦС СББ) принял решение провести не одну, а две «безбожные пятилетки». Задачи, которые поставил перед атеистами страны главный безбожник Е. М. Ярославский, сводились к следующему:

— развернуть состязание за полное обезбоживание фабрики, села, очищение их от всех остатков религиозного быта;

— организовать соревнование за количество проведённых антирелигиозных лекций, докладов, бесед;

— организовать соревнование за количество охваченных ими слушателей;

— соревноваться за повышение читаемости антирелигиозной литературы в библиотеках;

— соревнование за лучшее проведение антирелигиозных кампаний (за выход из религиозных общин, за отказ от приёма на дому попов и проповедников, за отказ от расходов на церковь);

— соревноваться за лучшее проведение безрелигиозных свадеб, похорон, октябрин и т. д.

Главный безбожник страны Ярославский должен был постоянно искать доказательства всепобеждающей силы антирелигиозного движения. То он называл цифру в 2 миллиона крестьян-безбожников в период раскулачивания, то предлагал довести число членов Союза воинствующих безбожников (СББ) за пятилетку до 10 миллионов человек. Правда, рапортовать XVI съезду ВКП(б) о 6 миллионах безбожников в стране он всё же не решился. Но, несмотря на вакханалию воинствующего атеизма в стране, руководители СББ на Всесоюзном совещании по антирелигиозной пропаганде в 1935 году вынуждены были признать, что миллионы

людей не потеряли веру, остаются членами религиозных общин, в то время как ячейки безбожников теряют своих членов. Правовое положение продолжало ухудшаться день ото дня.

Постановление ВЦИК СССР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 года и октябрьская инструкция НКВД 1929 года регламентировали религиозную жизнь в стране. Вновь отрицались все права Церкви как юридического лица. Нововведением стала обязательная регистрация религиозных объединений и их членов, а местные власти могли отказать в регистрации и тем, и другим без каких-либо объяснений. Церковная жизнь ограничивалась только богослужением в стенах храма. Запрещалось без разрешения власти проводить собрания верующих, назначать или избирать руководителей общин, пользоваться услугами государственных предприятий, типографий, организовано обучать детей религии, заниматься всеми видами благотворительности.

Ввиду отсутствия у Церкви прав юридического лица договоры о ремонте церковных зданий могли заключаться только индивидуально с членами приходов, которые попадали под статью о частном предпринимательстве, что влекло за собой резкое повышение налогообложения.

Духовенство и клир, лишённые избирательских прав или ограниченные в отдельных политических и гражданских правах, платили в государственную казну с 1930 года 75% с «нетрудовых доходов», к коим была причислена плата за отправление культа. Священников выселяли из квартир как «лишенцев». Ещё с 1928 года по той же причине для них была установлена непомерно высокая квартплата, которая оставалась такой до 1943 года включительно.

Ситуация в Советской России беспокоила мировую общественность, в Европе и Америке всё громче раздавались голоса протеста против гонений на Церковь в СССР. 2 февраля 1930 года папа римский Пий XI обратился к верующим мира с призывом молиться о спасении Русской Церкви. Заявление понтифика нарушило внешнеполитические планы руководства страны, которая готовилась вступить в Лигу Наций.

В этот же день, 2 февраля, в Нью-Йорке русская эмиграция устроила митинг протеста против попрания православных в Польше. На митинге было принято следующее заявление: «Мы, граждане и резиденты Соединённых Штатов, русские по происхождению и православные по вере, получили от своих родных из Польши сообщение, что там Римско-Католическая Церковь предъявила судебные иски об отобрании у православных пятисот храмов и монастырей, в том числе и древней русской

святыни Почаевской лавры <...> Попытка отобрать храмы напоминает русским о тех мрачных временах, когда паписты в Польше применяли жестокие насилия и притеснения против православного населения, принуждая его переменить веру. Мы знаем, что нет такого закона, по которому можно было бы отобрать имущество после столетнего спокойного, непрерывного и добросовестного владения. Но мы знаем также силу политического влияния римской курии. Наши родные в Польше опасаются <...> римско-католической церкви, стремящейся путём отобрания домов молитвы понудить православных признать власть папы. Эти опасения нам понятны, так как православный собор в Варшаве уже разрушен, а в провинции были случаи насильственного захвата православных церквей. Поэтому мы разделяем тревогу наших единомышленников в Польше, выражаем энергичный протест и призываем весь цивилизованный мир выразить осуждение этим новым религиозным преследованиям православных русских в Польше» (Васильева 2002: 131–137).

Советская власть реагировала на действия Ватикана жёстко. Пройдёт пять лет, и из Москвы как шпион будет выслан католический епископ Пий Неве. Но это будет позже, а пока работала разведка...

Из агентурных сведений от октября 1930 года: «Коллегиум руссорум» при Ватикане передала непосредственно руководство работой по пропаганде католицизма в СССР французской католической церкви. Кадры католических проповедников для России подготовляются главным образом в Бельгии, откуда они нелегально переправляются в СССР через Польшу. Ещё до дипломатического зондажа Папы через своих представителей в ЧСР и других странах о возможности установить с Советским правительством дипломатические отношения и в своём роде “модус вивенди” (это было в 1928 г.) Папой был намечен в качестве своего нунция в СССР некто Фёдоров, русский католик. Этот Фёдоров в 27 году нелегально был переправлен польским ксендзом в Минск, где нелегально проживает до сих пор, являясь неофициальным папским агентом. Фамилия Фёдоров — настоящая» (Васильева 2004).

Леонид Фёдоров действительно был папским экзархом для католиков восточного обряда, и его нелегально-прозелитическая деятельность не могла не волновать власть. Срочно потребовалось опровержение того, о чём писала зарубежная печать.

Практическое осуществление этого мероприятия вновь было поручено Е. А. Тучкову. Он никогда не был ни первым, ни вторым, ни третьим

лицом во Всероссийской ЧК, но тем не менее в многочисленных чекистских сценариях ему отводились ведущие партии. Ни одна операция с его участием не провалилась, при этом акции могли проходить в различных регионах страны почти одновременно.

Начальник одного из отделений Секретно-политического отдела ОГПУ, он был рождён для антирелигиозных дел, участвовал в гонениях не только на Русскую Православную Церковь, но и на католическую Церковь, и на «Союз христианской молодежи», лидер которого И. Проханов после свидания с Тучковым в следственном изоляторе ОГПУ начал призывать братьев-баптистов не отказываться от воинской службы под ружьём.

Его хватало на всё и на всех. Он был причастен к акции снятия и переплавки на «пятаки» русских колоколов. Ему принадлежит термин «Истинно-православная церковь», которая сначала войдёт во все дела непоминающих, а затем станет историческим понятием. Очевиден его тесный контакт с «воинствующими безбожниками» Ярославским и Скворцовым-Степановым, подтверждены официальные связи со Смидовичем и другими государственно-партийными лидерами.

Е. А. Тучков предложил митрополиту Сергию выступить на пресс-конференции перед советскими и иностранными журналистами с опровержением мирового общественного мнения о гонении на Церковь в СССР. В ответ Заместитель Местоблюстителя выдвинул свои условия участия в фарсе: власть принимает требования митрополита о значительном облегчении существования духовенства и клира в безбожной России.

15 февраля 1930 года состоялась пресс-конференция митрополита Сергия (Страгородского) для советских корреспондентов. Вопросы, задаваемые ими, были схожи с теми, которые три дня спустя зададут иностранные журналисты.

Вечером 18 февраля состоялась пресс-конференция митрополита Сергия для иностранных корреспондентов. На ней присутствовали «Лаенс, Байндер и Милс — от Америки; Фишер — от Америки и Англии; Деус — от Америки и Германии; Штейн, Баум и Рененгоф — от Германии и Песса — от Италии⁶». За день до встречи они передали письменные вопросы митрополиту Сергию. Их интересовало следующее:

«1) Не будете ли Вы так добры и не пополните ли Вы сообщение об ухудшении положения церкви, сделанное Вами для Советской печати,

⁶ Архив ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 523. Л. 6.

статистическими данными о количестве прихожан в 1913 г., в первые годы революции и в 1929 г., также желательны данные относительно количества крестин, венчаний, похорон и вообще посещаемости Церкви за те же годы (1913, 1922 и 1929 гг.). Какое количество священников имеют приходы и совершают службы и какое имеется количество учащихся, получающих в данный момент богословское образование?

2) Как может церковь продолжать существовать ввиду политического, экономического и общественного положения священства и активных прихожан, а именно: их лишения, по которому им предстоит выселение, невозможность получения продовольственных карточек и, по последнему декрету, запрещение проживания в Москве.

3) Имеете ли вы ещё какие-нибудь доказательства и каково Ваше мнение относительно выступления 1) Папы Пия XI; 2) архиеп. Кентерберийского и др. не римско-католических деятелей церкви, имеющих не христианские цели: а) подорвать православие и б) нанести вред Советскому государству, как в пределах СССР, так и равно и за границей.

4) Объясните нам, пожалуйста, какой церковный Устав и какие полномочия имеет действующий синод, о котором Вы опять упоминаете, а также от имени какой части греко-православной Церкви Вы уполномочены действовать и говорить. В середине лета 1927 г. в своем сообщении в Советской печати Вы выражали надежды, что Вы и другие члены действующего Синода получите разрешение созвать Церковный Совет и основать законно избранный Синод. Был ли этот Совет создан и, если да, каковы были его результаты?

5) Каково Ваше отношение к административным мерам, принятым против православной церкви, как: 1) запрещение колокольного звона в Москве; 2) упразднение воскресений и других церковных праздников; 3) закрытие всех церквей, например — в Одессе, по постановлению Одесского Совета.

6) Какое количество священников было приговорено к тюремному заключению и к ссылке в 1929 году и за какие проступки?» (Русская Православная Церковь 2008: 263).

Здесь не случайно даются все вопросы полностью, так как они сами и ответы на них мало известны. Чаще цитируются ответы от 15 февраля, данные на конференции советским корреспондентам.

Ответы зарубежным корреспондентам реже, хотя они были напечатаны в «Известиях ЦИК и ВЦИК» № 49 (3896) 19 февраля 1930 года.

На первый вопрос митрополит Сергей ответил: «...Мы располагаем только цифровыми данными о так называемых “двадцатках”, которые составляют по советскому законодательству ядро религиозной общины, необходимое для регистрации этой общины как таковой <...> Количество прихожан составляет несколько десятков миллионов».

И далее митрополит подчеркнул: «Мы думаем, что безбожники преувеличивают свои успехи». (Эти слова, как и многие другие из этого интервью, никогда не цитируются оппонентами владыки.) «...количество приходов, принадлежащих нашей патриаршей Церкви, составляет около 30 000. Число священнослужителей гораздо больше, чем число приходов, так как в каждом приходе имеется от 1–3 священников и даже более. Все эти приходы находятся в духовном окормлении 163 архиереев (не считая епископов, пребывающих на покое).

Зап. Европа — м. Евлогий с подчинёнными епископами и духовенством, в Литве — м. Елевферий, в Японии — арх. Сергей, Китае — еп. Нестор.

Относительно учащихся считаем необходимым отослать к интервью, опубликованному в советской прессе 16 февраля с. г.»⁷ (тут стоит учитывать, что иностранные корреспонденты были неплохо осведомлены о положении Русской Церкви накануне октября 1917 года и могли сделать выводы о количестве закрытых храмов).

Что касается второго вопроса, то митрополит Сергей сделал упор на то, что Церковь в советском государстве существует на основании советского законодательства: «Что касается избирательных прав и других вопросов, связанных с Конституцией страны, которая является народным законом, обязательность которого для всех очевидна, то в этой области не произошло никаких изменений за последние годы.

...миллионы активных прихожан — трудящиеся, пользующиеся всеми правами, в том числе избирательными.

...случаи выселения отдельных священнослужителей в судебном порядке ничем не отличаются от выселения других граждан (невзнос квартплаты, невыполнение обязательных постановлений, из домов, подлежащих слому)»⁸.

Отвечать на третий вопрос митрополит не стал, отослав иностранных корреспондентов к уже напечатанному интервью.

⁷ Там же. Л. 2.

⁸ Там же.

Перед тем как ответить на четвёртый вопрос, митрополит Сергей обратился к присутствующим с вопросом: «Вы спрашиваете, на каком основании мы считаем папу врагом Православия. Как же нам думать иначе, если Католическая Церковь, возглавляемая папой, в одной только Польше за один только 1929 год насильственно отобрала у православных прихожан около 500 православных церквей, обратив их в католические костёлы?»

Нам неизвестно, чтобы какие-нибудь епископы в Англии, Америке или другой стране выступали против этих насильственных действий католической церкви»⁹.

Ответ владыки на четвёртый вопрос, где он говорит о своих полномочиях, очень важен: «Мои личные канонические полномочия восприняты мною от законного местоблюстителя патриаршего престола. Синод же существует в соответствии с полномочиями того же Собора...

Что касается созыва Поместного собора, то подготовка к нему ведётся» (Русская Православная Церковь 2008: 264).

В ответе на вопрос о колокольном звоне и праздниках митрополит Сергей вновь делает упор на советском законодательстве о культурах, подчёркивая излюбленный приём власти — «письма с мест»:

«Вам, иностранцам, вероятно, известно, что в ряде стран давно уже ограничен законом колокольный звон, в некоторых случаях даже совершенно запрещается. В некоторых местах СССР колокольный звон отменяется по желанию трудящегося населения. Мы не видим в этом решении ничего, что умаляло бы нашу религию.

Что касается религиозных праздников, то соввласть, не соблюдая их в государственных и общественных учреждениях, отнюдь не препятствует празднованию их Церковью, и мы, празднуя их в своё время, не можем пожаловаться на отсутствие молящихся.

Переход на пятидневку и непрерывную неделю, по нашему наблюдению, мало отражается на посещаемости церквей. Ещё Господом нашим Иисусом Христом было сказано: “Не человек для субботы, а суббота для человека”. О решении Одесского горсовета нам ничего не известно» (Русская Православная Церковь 2008: 264).

На шестой вопрос владыка отвечать не стал, отправив корреспондентов к ранее напечатанному ответу. Он говорил скупой и сжато, постоянно подчёркивая существование Церкви в жёстких рамках Декрета 1918 года

---

⁹ Там же.

и Постановления 1929 года. И начал он со слов о том, что безбожники преувеличивают свои успехи, а в ходе проведения конференции неоднократно обращался к проблеме римского прозелитизма. В ответах митрополит Сергей также использовал эзопов язык.

Сразу же по окончании пресс-конференции владыка передал Тучкову «Памятную записку о нуждах Православной патриаршей Церкви в СССР для тов. Смидовича П. Е.», в тот момент занимавшего пост председателя Комиссии по делам религиозных культов при ЦИК СССР. Записка включала в себя 21 пункт, в которых митрополит Сергей изложил все нарушения имеющегося законодательства о культах. «Страховое обложение церквей, особенно в с/местностях, иногда достигает таких размеров, что лишает общину возможности пользоваться церковными зданиями. Необходимо снизить как оценку церковных зданий (отнюдь не приравнивая её к зданиям доходным), так и самый тариф страхового обложения» (Русская Православная Церковь 2008: 262).

Говоря о непомерных обложениях, митрополит привёл такие примеры принудительных сборов: «на тракторизацию, индустриализацию, на покупку облигаций госзаймов и т. п. За неимением у церквей хозяйства налог, естественно, падает на членов религиозной общины, является, таким образом, как бы особым налогом за веру, сверх других налогов, уплачиваемых верующими наравне с прочими гражданами» (Русская Православная Церковь 2008: 262).

Митрополит Сергей просил не приравнивать церковных старост, сторожей и других лиц, обслуживающих местный храм, к кулакам и не облагать их усиленными налогами. Эта практика была распространена по всей стране.

Далее он продолжал: «Необходимо разъяснить, чтобы представители прокуратуры на местах в случае обращения к ним православных общин или духовенства с жалобами не отказывали им в защите их законных прав при нарушении их местными органами власти или какими-либо организациями» (Русская Православная Церковь 2008: 262).

Говоря о закрытии храмов, митрополит Сергей считал, что решающим должно быть «...не желание неверующей части населения, а наличие верующих, желающих и могущих пользоваться данным зданием, чтобы православный храм по ликвидации одной общины мог быть передан только православной же общине, если в наличии есть достаточное количество желающих образовать такую общину, и чтобы по упразднении храма /от каких <бы> причин оно ни зависело/ членам православной

общины предоставлено было право приглашать своего священника для исполнения всех их семейных треб у себя на дому» (Русская Православная Церковь 2008: 262).

Основная часть «Записки» освящает положение духовенства в Советской стране. Митрополит Сергей высказывает свои условия власти для облегчения жизни и деятельности священства: не приравнивать их «к нетрудовому элементу, а тем более к кулакам», вернуть священство, как это было раньше, к лицам свободных профессий. Не назначать произвольного налогообложения, не облагать продуктами (зерном, дичью, маслом) священников, не занимающихся сельским хозяйством. За неплату налогов у духовенства описывалось всё имущество. Митрополит требует оставлять «законный минимум обстановки, одежды, обуви и пр.» (Русская Православная Церковь 2008: 262).

Произвольно и часто издевательски назначалась местными властями трудовая повинность для духовенства. Так, например, престарелому священнику «села Люк Вотской области наложено срубить, распилить и расколоть 200 кубов дров» (Русская Православная Церковь 2008: 262).

Притеснениям и унижениям подвергались дети духовенства. Митрополит Сергей настаивает на разрешении «учиться в школах 1 и 2 степени, и чтобы из них, кто с осени 1929 года уже были зачислены в состав студентов ВУЗа, не изгонялись за одно своё происхождение, а изгнанным предоставлено было право закончить своё образование» (Русская Православная Церковь 2008: 262).

Говоря о богословском образовании, митрополит Сергей напоминает власти о своём ходатайстве лета 1920 года «об открытии в Ленинграде Высших Богословских курсов Православной Патриаршей церкви. Весьма желательно получить удовлетворение этого ходатайства, хотя бы в целях уравнивания нашего церковного течения с обновленчеством, у которого есть академии» (Русская Православная Церковь 2008: 262).

Для церковной жизни необходимо было периодическое издание, о котором митрополит говорил с властями не один раз. Не обошёл он этот вопрос и в «Памятной записке»: «Давно чувствуется потребность иметь в Патриархии какое-нибудь периодическое издание, хотя бы в виде ежемесячного бюллетеня для печатания распоряжений, постановлений, посланий и пр. Центральной Церковной власти, имеющее общественный интерес» (Русская Православная Церковь 2008: 262).

Документ заканчивался просьбой сохранить за Церковью те права, какие уже были предоставлены ранее: «Ввиду газетных статей

о необходимости пересмотра Конституции СССР в смысле совершённого запрещения религиозной пропаганды и дальнейших ограничений церковной деятельности П Р О С И М защиты и сохранения за Православной Церковью тех прав, какие предоставлены ей действующими законоположениями СССР (подчёркнуто в док. — О. В.)» (Русская Православная Церковь 2008: 262).

Из всех просьб митрополита Сергия власть удовлетворила одну: разрешено было издавать «Журнал Московской Патриархии», который выходил нерегулярно, потом был закрыт и вновь стал издаваться с 1943 года.

Реакция на выступление митрополита на конференции части духовенства в России и за границей была отрицательной. В защиту Заместителя Патриаршего Местоблюстителя выступил митрополит Евлогий (Георгиевский), подчеркнув, что если бы позиция митрополита Сергия оказалась церковно преступной, то все верующие услышали бы голос Местоблюстителя Петра из заключения.

Правда, митрополит Пётр многое из деятельности владыки Сергия воспринимал критически, не видя при этом иной формы общения Церкви с государством, нежели той, которую осуществлял митрополит Сергий.

Сейчас трудно сказать, на что надеялся владыка, передавая своё послание через Тучкова Смидовичу. Верил ли он в успех? Вряд ли. Но он знал, что с пути, им выбранного, он не сойдёт. Будет использовать любую возможность, чтобы, идя через унижения по своему мученическому пути, сделать всё возможное для Церкви.

Возникает вопрос: почему митрополит Сергий и дальше продолжал идти по предначертанному пути, видя, что долгожданного облегчения для Церкви и духовенства не наступает. Вопреки всему, он продолжает церковно-каноническую деятельность.

На страницах ежемесячного «Журнала Московской Патриархии» (начал выходить с декабря 1931 года по 1935 год, вышло всего 16 номеров) особенно важны четыре богословские статьи митрополита Сергия, признанного богослова XX века: «Отношения Церкви Христовой к отделившимся от неё обществам» (№ 2–4), «Значение апостольского преемства в инославии» (№ 23–24), «Почитание Божией Матери по разуму Святой Православной Церкви» (№ 11–12) и «Воскресения Лазаря» (№ 16–17).

Ничто так ярко не характеризует те дни, как конкретные дисциплинарно-канонические постановления, которые принимались священноначалием. На массовые аресты епископов в 20-е годы Церковь ответила массовыми хиротониями, что породило ряд проблем вплоть до появления

епископов-самозванцев, и понижением уровня богословско-канонической подготовленности новых архиереев, многие из которых не проходили академической школы. Поэтому столь большое место в синодальных определениях, которые печатались в журнале, отводилось мотивировке принимаемых решений «разъяснить преосвященному ... что...». Некоторые определения Священного Синода превращались в настоящие богословские экскурсии.

Основная цель канонических решений митрополита Сергия была высказана в определении от 24 декабря 1930 года за № 252 (№ 4): «Часто забывается основное начало духовной жизни христианина: рассуждение... Рассуждение является наиболее характерной чертой, отличающей практику Святой Церкви от практики отделившихся от Церкви обществ» (Русская Православная Церковь 2008: 270).

По его мнению, все решения в Церкви должны приниматься не формально, исходя из фиксированных и неизменных правил, а сообразуясь с духом евангельского учения, в чём и состоит проявление подлинной церковности. И эта его богословско-каноническая деятельность происходила в условиях усиливающихся гонений на веру и верующих. Но митрополит продолжал свой путь, который не понимали и не хотели понимать многие его современники. Ответ на многие вопросы дал наш выдающийся соотечественник Н. А. Бердяев в статье «Вопль Русской Церкви» (он написал её вскоре после публикации «Декларации» 13 сентября 1927 года): «Нужно, наконец, до конца понять великую разницу в положении Православной Церкви в России и в эмиграции. Православная Церковь в России есть Церковь мученическая, проходящая свой крестный путь до конца. Православная Церковь в эмиграции не мученическая церковь, её епископы не знают, что такое мученичество, они в прошлом привыкли к господствующему и привилегированному положению в государстве, а за границей живут в атмосфере свободы. Это есть заметное для всех различие в положении. Но есть другое различие, которое не все принимают. Православная Церковь в России жертвенна в совсем ином смысле и претерпевает нравственное мученичество, неведомое и часто непонятное для церковных кругов эмиграции. Православная Церковь в России в лице своих водительствующих иерархов должна совершать жертву своей видимой красотой и чистотой, она нисходит в мир, находящийся в состоянии смертного греха. Жертва эта совершается во имя спасения Православной Церкви и церковного народа в России, во имя охранения её в эти страшные годы испытаний. <...>

Патриарх Тихон, митрополит Сергей — не отдельные, частные лица, которые могут думать только о себе. Перед ними всегда стоит не их личная судьба, а судьба Церкви и церковного народа как целого. Они могут и должны забывать о себе, о своей чистоте и красоте и говорить лишь то, что спасительно для Церкви. Это есть огромная личная жертва. Её принёс патриарх Тихон, её приносит митрополит Сергей. Некогда эту жертву принёс Св. Александр Невский, когда ездил в Ханскую Орду.

Отдельный человек может предпочесть личное мученичество. Но не таково положение иерарха, возглавляющего Церковь, он должен идти на иное мученичество и принести иную жертву» (Русская Православная Церковь 2008: 266).

Эти слова Н. А. Бердяев написал почти 100 лет назад, осознав всю силу жертвенности митрополита Сергия, сравнивая его со св. Александром Невским. И думается, что прошедшее столетие убедило многих в необходимости почитания его мученического подвига.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Васильева О. Ю. Жребий митрополита Сергия (от «Декларации» до «Памятной записки») // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского института, 30 янв. — 1 февр. 1997 г. — М. : Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 1997. — С. 174–186.

Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь и Второй Ватиканский собор. — М. : Лепта-пресс, 2004. — 382 с.

Васильева О. Ю. Февральская пресс-конференция митрополита Сергия иностранным корреспондентам: историческое наследие и материал для исторического осмысления // Альфа и Омега. — 2002. — № 3. — С. 131–137.

Русская Православная Церковь. XX век. — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2008. — 800 с.

Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. — М. : Изд-во РАГС, 1999.

Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России. — М. : Благовест, 2013. — 512 с.

Сведения об авторе:

Ольга Юрьевна Васильева — доктор исторических наук, профессор, академик Российской академии образования, Президент Российской академии образования, 119121, Россия, Москва, ул. Погодинская, 8.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 13.02.2024; одобрена после рецензирования 22.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.

O. Yu. Vasilieva

RUSSIAN ACADEMY OF EDUCATION,
MOSCOW, RUSSIA

Metropolitan Sergius (Stragorodsky): Ministry and Destiny

Abstract. The article delves into the biography of the future Patriarch Sergius (Stragorodsky) and the circumstances of his life that shaped the personality of the primate, making him one of the most prominent church figures of the twentieth century. The article examines the principal milestones of his pastoral ministry, theological contributions, missionary efforts, and administrative endeavors undertaken for the benefit of the Church. The article also outlines the circumstances surrounding Metropolitan Sergius' dramatic involvement in the Renovationist schism and his eventual departure from it through a public act of repentance. The focus of the article is the history of relations between the Russian Orthodox Church and the Soviet government in the 1920s and 1930s, with Metropolitan Sergius playing a pivotal role as one of the key participants. The most challenging period for the Church in the twentieth century was the span from 1925 to 1943, marked by the absence of patriarchal authority and characterized by numerous intrigues and administrative pressure from the Bolshevik government. The article argues that the policy of Metropolitan Sergius was a direct continuation of the path that Patriarch Tikhon embarked on in the last years of his tenure. The author of the article concludes that Metropolitan Sergius deliberately chose a compromise with the authorities, embracing the path of martyrdom and self-abasement for the sake of preserving the Church. In 1927, Metropolitan Sergius, along with members of the convened Provisional Patriarchal Holy Synod, signed the "Message to Pastors and Believers", which served as a memorandum of the Church's political loyalty to the Soviet government. The article pays significant attention to Sergius'

press conference in front of Soviet and foreign journalists, which served as a response to numerous accusations leveled against the Soviet government for its oppression of the Church. The author of the article concludes that Metropolitan Sergius' ministry is primarily characterized by martyrdom. Consciously opting for personal dishonor to safeguard the Church stands as a genuine act of courage by Patriarch Sergius, an undeniable merit appreciated by all believers.

Keywords: Patriarch Sergius (Stragorodsky), Persecution of the Church, Declaration of 1927, Press Conference of 1930, Solovetsky Bishops, Repressions against the Episcopate, Appeal to Soviet Authorities, Metropolitan Peter (Polyansky)

For citation: Vasilieva, O. Yu. (2024). Metropolitan Sergius (Stragorodsky): Ministry and Destiny. *Orthodoxia*, (2), 10–45. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-2-10-45

REFERENCES:

Vasilieva, O. Yu. (1997). Zhreby mitropolita Sergiia (ot “Deklaratsii” do “Pamiatnoi zapiski”) [The Lot of Metropolitan Sergius (from the “Declaration” to the “Memorial Note”)]. In *Ezhegodnaia Bogoslovskaiia konferentsiia Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo instituta*, 30 ianv. — 1 fevr. 1997 g. (pp. 174–186). Moscow : Izd-vo Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo Bogoslovskogo instituta. [In Russian].

Vasilieva, O. Yu. (2004). *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' i Vtoroi Vatikansky sobor* [The Russian Orthodox Church and the Second Vatican Council]. Moscow : Lepta-press, 2004. [In Russian].

Vasilieva, O. Yu. (2002). Fevral'skaia press-konferentsiia mitropolita Sergiia inostrannym korrespondentam: istoricheskoe nasledie i material dlia istoricheskogo osmysleniia [February Press Conference of Metropolitan Sergius to Foreign Correspondents: Historical Heritage and Material for Historical Understanding]. *Al'fa i Omega*, (3), 131–137. [In Russian].

Russkaia Pravoslavnaia Tserkov'. XX vek [The Russian Orthodox Church. XX Century]. (2008). Moscow : Izd-vo Sretenskogo monastiria. [In Russian].

Russkie patriarkhi XX veka. Sud'by Otechestva i Tserkvi na stranitsakh arkhivnykh dokumentov [Russian Patriarchs of the Twentieth Century.

The Fate of the Fatherland and the Church on the Pages of Archival Documents]. (1999). Moscow : Izd-vo RAGS. [In Russian].

Sviatitel' Tikhon, Patriarkh Moskovsky i vseia Rossii [St. Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia]. (2013). Moscow : Blagovest. [In Russian].

About the author:

Olga Yurevna Vasilieva — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, President of the Russian Academy of Education, 8, Pogodinskaia str., Moscow, Russia, 119121.

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 13.02.2024; approved after reviewing 22.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.